

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Веселова Федора Никитовича на тему:
«Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII-XIX вв. в музейных и
библиотечных собраниях», представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 24.00.03. – «Музееведение, консервация и
реставрация историко-культурных объектов»

Значение Куликовской битвы в культурной памяти русского народа не подлежит сомнению. Тем большего внимания требуют источники, на основании которых восстанавливается не только исторический ход событий, но и произошедшая постепенно трансформация некоторых реалий XIV в. во вневременные символы, отражающие восприятие позднейшими поколениями всех обстоятельств знаменитого сражения между коалицией русских князей во главе с Дмитрием Донским и войском татарского темника Мамаю. Из всего цикла произведений, посвященных Куликовской битве (Краткая и Пространная летописные повести, «Задонщина», «Слово о житии и преставлении» Дмитрия Донского), «Сказание о Мамаевом побоище» является самым детализированным и художественно законченным. Склонность прямо проецировать на действительность все, о чем повествует Сказание, всегда был велик, лишь в последнее время в историографии стала отчетливо преобладать реалистическая тенденция. Сказание теперь обычно датируют XVI в., довольно сдержанно оценивая его достоверность, - мнение, к которому присоединяется и автор диссертации, подкрепляя свой вывод собственными выкладками. Миниатюры, иллюстрирующие Сказание и рассматриваемые в диссертации, естественно, не могли быть созданы прежде появления текста. Редукция археологической значимости произведения не лишает его ценности в пространстве музея, ролью которого является консервация не одних предметов, но и их функции на всем протяжении национальной истории (ср. с. 172). Отсюда вытекает значимость заявленной в диссертации темы для развития музейного дела.

Посвященная Сказанию научная литература весьма внушительна, однако Ф. Н. Веселов обратился к такому аспекту в изучении памятника, который оставался до сих пор мало разработанным. Дело в том, что среди более полутора сотен списков Сказания известно только восемь снабженных обширным циклом миниатюр. Хотя о лицевых списках произведения уже высказывали свои соображения авторитетные ученые (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев и др.), автор рецензируемой работы впервые предложил монографическое исследование этой важной части в рукописной традиции Сказания. Причем лицевые списки становятся в работе Веселова объектом комплексного анализа, т. е. впервые дается сплошное – картинка за картинкой - сопоставление изобразительного ряда во всех восьми списках, исследуется процесс развития архетипа иллюстрированного Сказания, отразившийся в уцелевших репликах, реконструируются отдельные составляющие этого архетипа, особое внимание уделяется наиболее важным для истории памятника и одновременно наименее изученным представителям традиции, предлагается исторический и иконографический комментарий к иллюстрациям, высказываются новые

09/2-186 от 12.09.2018

соображения о датировке и локализации как самого текста Сказания, так и возникшего вскоре архетипа его лицевых списков. Сказанным определяется актуальность избранного диссертантом предмета исследования и сразу же выявляется новаторский подход к разработке соответствующего материала.

Композиция диссертационной работы Веселова видится логичной и соответствующей целям, которые преследует соискатель, сосредоточившись на лицевых списках Сказания. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, наконец, из двух приложений. Во введении, после традиционного историографического обзора, который демонстрирует, между прочим, существенные пробелы в работах предшественников диссертанта, и краткой характеристики источников (кроме восьми лицевых списков Сказания, сюда относится посвященный Куликовской битве цикл миниатюр в Лицевом своде, а также древнерусские книжные иллюстрации к другим памятникам исторического повествования), автор в общих чертах знакомит читателя с проблематикой своего исследования. В гл. 1 предлагается сопоставительный анализ лицевых списков, отличительной чертой которого является исчерпывающий охват всех без изъятия сохранившихся миниатюр. Такая широта охвата позволяет исследователю восстанавливать механические утраты отдельных рукописей через сравнение их с родственными списками. В итоге Веселов присоединяется к мнению прежних исследователей (в частности, Дмитриева), считавших, что все имеющиеся списки восходят, через промежуточные звенья, к единому архетипу. С особой тщательностью разбираются показания двух списков. Это, прежде всего, Лондонский список (Yates Thomson, No. 51), который фактически впервые вводится соискателем в научный оборот (поскольку раньше специалисты имели ограниченный доступ к рукописи, кроме того, они не могли изучать в совокупности Сказание и некогда предшествовавшую ему в кодексе, а потом отделенную от блока «Сербскую Александрию», которая попала в Дублин - Chester Beatty Libr., W151). Веселов, как и первооткрыватели Лондонского списка, считает его неумелой копией с оригинала, который, в отличие от других списков, был максимально приближен к архетипу. Второй список, который, полагает Веселов, не удостоился раньше должного внимания, находится в собрании Уварова, № 999а. Как показывает исследователь, своеобразие миниатюр этого списка позволяет выделить его в качестве представителя особой («Старопечатной») группы. Новые и важные сведения удалось собрать и относительно некоторых других списков, например, того, что находится в собрании Барсова, № 1798. Диссертант убедительно доказывает, что этот именно список принадлежал Архангельской духовной семинарии, между тем как долгое время семинарский список считался утраченным (с. 201-206).

В гл. 2 подробнейшим образом разбирается иконография целой серии миниатюр, некоторые сюжеты и детали сопоставляются с аналогичными изображениями в памятниках средневекового христианского искусства Востока и Запада, в том числе в книжной графике, станковой живописи и др. Круг привлеченных для сравнения источников очень обширный, причем такое сравнение позволяет иногда выдвинуть довольно остроумные идеи о происхождении отдельных элементов в лицевых списках Сказания (ср., например, на с. 126-129 о вооружении нечистой силы). Очень тонкие наблюдения касаются неуловимой грани, в большинстве случаев отделяющей изображенные на миниатюрах предметы от их реальных прототипов, благодаря чему этим

предметам сообщается символический смысл (в качестве довольно редких исключений ср. о «русских чертах» в архитектурных объектах на с. 120-121). Для истории всего цикла лицевых списков первостепенное значение имеют указания Веселова на архаичность иконографии большинства сюжетов в Лондонском списке в сравнении с их вариациями в остальных списках. Единственное замечание, касающееся организации гл. 2, относится не столько к распределению материала по включенным в нее параграфам, сколько к названиям этих параграфов. Ибо «молитвы» (§1) обычно предшествовали в древности «видениям и знамениям» (§4) или следовали за ними, а «этикетными» (§3) являются все сцены и все образы в рассматриваемых миниатюрах (в том числе учтенные в §1-4).

В гл. 3 исследователь предлагает ответ на вопрос, который можно назвать ключевым для проблематики диссертации. Именно: сначала Веселов, суммируя разбросанные по тексту наблюдения и добавив новые, дает общую оценку протографа Лондонского списка (последний, как видно, является его прямым апографом), который лучше других протографов отражал архетип иллюстративного цикла. Он датирует этот протограф XVI в. и предположительно связывает с книжниками и художниками, группировавшимися вокруг Новгородского архиепископа, потом Московского митрополита Макария. Представив обзор существующих в науке предположений о времени составления Сказания как литературного памятника (их диапазон простирается от XIV до XVI в.), соискатель перечисляет анахронизмы, исключающие возможность появления памятника в годы, ближайшие к Куликовской битве. Предпочтение Веселов отдает точке зрения Б. М. Клосса, который атрибутирует текст Коломенскому епископу Митрофану (ум. 1521 г.). Возникновение архетипа лицевых списков, по мнению соискателя (солидарного по этому пункту со своими предшественниками), едва ли далеко отстоит от времени составления текста Сказания о Мамаевом побоище. Иллюминированный архетип, считает Веселов, скорее всего, был создан в Москве в середине XVI и является произведением той же художественной школы, которая чуть позднее произвела на свет протограф Лондонского списка. Это – мастера книжного дела из окружения Макария, многие из которых перебрались в столицу вскоре после его поставления в митрополиты.

В заключении к своему исследованию Веселов акцентирует наиболее важные его результаты, а также предлагает стемму, показывающую графически взаимоотношение лицевых списков (с. 169), причем его стемма значительно усовершенствована сравнительно с той, которую начертал в свое время Дмитриев. В следующем за заключением библиографическом разделе автор перечисляет привлеченные им к работе рукописные (7 позиций), опубликованные (53 позиции) и прочие (55 позиций) источники, потом справочную литературу (14 позиций), наконец, основную литературу (180 позиций). Приложение 1 содержит подробное палеографическое и кодикологическое описание каждого из восьми лицевых списков Сказания, превосходящее по тщательности описания, бывшие до сих пор в наличии, которые, впрочем, все упомянуты в библиографии (добавим не учтенное описание двух рукописей в кн.: Музейное собрание. Описание. М., 1997. Т. 2. С. 43, 56). В Приложении 2 собраны иллюстрации, особенно значимые в системе доказательств автора. Русскоязычный вариант диссертации сопровождается тождественным ему по содержанию англоязычным. По поводу этого последнего следует отметить, что перевод текста на английский язык выполнен профессионально и не нуждается в поправках.

Из подробного описания диссертационного труда Веселова очевидно, что это цельное и самостоятельное исследование, представляющее собой серьезный вклад в изучение одного из самых известных произведений древнерусской литературы и одновременно одного из шедевров древнерусской книжной иллюстрации. Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище активно используются в музейных экспозициях на исторические темы, в особенности, в Музее-заповеднике «Куликово поле» (см. илл. 1), которому впредь придется считаться с неоспоримыми заключениями Веселова. К числу открытий соискателя, которые могут быть признаны важными приобретениями историко-филологической науки, относятся следующие:

1. Развернутое обоснование особой позиции Лондонского списка в истории развития цикла миниатюр как списка, наиболее приближенного к архетипу.

2. Впервые предложенное описание Лондонского списка как одной из частей диптиха, включавшего, кроме Сказания, иллюминированный список «Сербской Александрии».

3. Переоценка лицевой рукописи из собрания Уварова, № 999а, позволяющая рассматривать ее как представителя самостоятельной группы иллюстрированных списков.

4. Выполненное на современном уровне описание всех рукописей, содержащих иллюстративный цикл, и убедительная реконструкция судьбы некоторых из этих рукописей, предшествующей их поступлению в современные архивохранилища.

5. Воссоздание миниатюр, утраченных в результате механических дефектов в существующих списках, путем последовательного сопоставления всех составляющих цикла.

6. Обоснованная иконографическая интерпретация сложных деталей в изучаемом цикле миниатюр.

7. Дополнительная аргументация, позволяющая соискателю подкрепить традиционное представление о лицевых списках Сказания как о производных от одного архетипа.

8. Вполне правдоподобная и корректно сформулированная гипотеза о том, что этот архетип был создан в результате активного сотрудничества писцов и миниатюристов, представителей школы митрополита Макария.

9. Значительно усовершенствованная схема развития иллюстративного цикла, какой она может быть восстановлена на базе имеющихся источников.

Как всякое серьезное исследование, работа Веселова, отвечая на одни вопросы, одновременно подводит к необходимости решать новые, которые по объективным причинам не могли возникнуть у его предшественников. Поскольку, во-первых, можно считать установленным, что в наиболее близком к архетипу Лондонском списке Сказания ему предшествовала Дублинская «Александрия», во-вторых, миниатюры к одному и другому произведению были выполнены одним мастером/мастерами (с. 93), в-третьих, традиция иллюстрировать «Александрию» как отдельное произведение уже сложилась в

византийской и южнославянской письменности (откуда перешла и в русскую) – по этим причинам велика вероятность, что иллюстративный цикл к переводному памятнику послужил образцом для создателей архетипа лицевого Сказания. А. Е. Петров уже высказывал такое предположение. Соответственно одним из будущих направлений в изучении лицевых списков Сказания мне представляется скрупулезное их сопоставление с иллюстративным циклом из лицевых списков «Сербской Александрии». У читателя диссертации Веселова возникает и такой, например, вопрос. Как получилось, что все без исключения лицевые списки Сказания дошли до нас в весьма потрепанном виде, с более или менее значительными лакунами, перестановками листов? Не является ли это результатом постраничного копирования или использования копиистами в своей работе особой технологии (ср. зеркальные композиции на с. 65)? Объяснив данный феномен, мы, быть может, лучше представим себе сам процесс создания обширного цикла книжных иллюстраций.

В заключение позволю себе несколько замечаний по работе Веселова. Наиболее серьезные сомнения вызывает лишь одна идея автора, которая несколько раз варьируется в тексте диссертации, – о том, что эволюция архетипа сводится к процессу его неумолимой порчи. Среди прочего, соискатель полагает, что в позднейших списках имеет место постепенное упрощение оригинала (с. 79-80), что при копировании происходит нивелирование деталей и что ближе к архетипу стоит та серия миниатюр, которая точнее иллюстрирует текст (с. 110). Применительно к истории литературных текстов современные источниковеды давно уже отказались от презумпции обязательной деградации исходного сочинения, искусствоведам, наверное, стоит, по меньшей мере, принять к сведению их опыт. Во всяком случае, сам соискатель, вопреки отмеченной общей идее, не усомнился расценить некоторые художественные решения в Лондонском списке как исправления, не обязательно худшие, сделанные самим миниатюристом (с. 55, 115). Из частных промахов укажу противоречащее историографической традиции смешение терминов «летопись» и «хроника» (с. 4), не отвечающее контексту буквальное понимание термина «перевод» (с. 160), странное противопоставление синонимических терминов «в лист» и «в десь» (с. 161), сомнительную мысль о наличии у насельников Волоколамского монастыря «философских идей». Встречаются на страницах диссертации и стилистические огрехи, как, например, просторечные выражения («музейщики» - с. 11, «контекстно» - с. 53, «Псалтирь» в мужском роде – с. 66), подмена слова «логический» неуместным прилагательным «методологический» (с. 34), нескладные сочетания, вроде «молящийся в виде иконы» (с. 63) или «предвкушение кончины» (с. 78), «писаны на формате» (с. 167). Сформулированное выше замечание и перечень мелких погрешностей ничуть не отменяют высокой оценки рассматриваемой работы, результаты которой уже нашли отражение в публикациях автора, получивших высокую оценку у отечественных и зарубежных медиевистов.

Диссертация Веселова Федора Никитовича на тему: «Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII-XIX вв. в музейных и библиотечных собраниях» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Веселов Федор Никитович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.03. – «Музееведение, консервация и

реставрация историко-культурных объектов». Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Буланин

Буланин Дмитрий Михайлович

